

Яна Милина

Лето наших надежд



Яна Милина

Лето наших надежд

«Автор»

2026

Милина Я.

Лето наших надежд / Я. Милина — «Автор», 2026

Москвич Егор привык к лёгким победам. Уверенный в себе, дерзкий и привыкший к вниманию девушек, он приезжает на лето в деревню к деду с бабушкой, даже не подозревая, что это лето перевернёт всю его жизнь. Местная красавица Алёна с первого взгляда вызывает в нём лишь раздражение — она дерзкая, неприступная и посмела указать ему его место. Но за этим неприятием и взаимными колкостями постепенно вспыхивает то, чего ни один из них не ожидал, — настоящая, чистая, первая любовь. Их чувствам предстоит пройти через споры и ревность, через предрассудки и осуждение окружающих. Смогут ли Егор и Алёна сохранить то, что родилось между ними, когда лето закончится и настанет время возвращаться домой? «Лето наших надежд» — это история о первой любви, которая остаётся с человеком навсегда. О том, как важно вовремя понять, что настоящее — это не громкие слова и пустые обещания, а человек, ради которого готов изменить свою жизнь.

© Милина Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Яна Милина

Лето наших надежд

Глава 1

Изгнание в лето

Июньское утро в деревне Богдановка наступало не по будильнику, а по солнцу. Тишину, в которой можно было услышать стрекотание кузнечиков, нарушила лишь яростная перекличка петухов. Николай Петрович, по привычке проснувшись в пять, уже управился в огороде и сейчас сидел на крыльце, закуривая сигарету.

Деревня их была большой, несколько улиц по десяткам дворов в каждой. И жили тут не только местные, но и городские жители, которые приезжали на лето на свои дачи.

Его покой нарушил гул мотора, непривычный для здешних тихих мест. По пыльной деревенской улице, вздымая облака золотистой взвеси, к дому подкатил огромный черный внедорожник. За ним на прицепе, надежно закрепленный ремнями, дремал «зверь» — сверкающий хромом спортивный байк.

— Глянь, Анна, — позвал дед, поднимаясь с лавки. — а вот и внук наш пожаловал.

На пороге появилась Анна Ивановна, вытирая руки о фартук. Она не видела Егора два года и ожидала увидеть того самого мальчишку с вечно сбитыми коленками. Но из кожаного салона машины вышел высокий, статный парень в брендовых шортах, стильной футболке и дорогих кроссовках, которые явно не были созданы для деревенской грязи. Его запястье украшали массивные часы, а в руках он держал последнюю модель айфона, с которой не расстался даже на секунду.

Водитель-шофер, высадив парня, принялся отцеплять байк. Егор оглядел дом, бесконечные поля за огородом с таким выражением лица, будто попал на другую планету, причем место для посадки выбрал крайне неудачное.

— Егорушка! Родной! — Анна Ивановна, не выдержав, бросилась обнимать внука.

— Привет, ба! - Егор вежливо позволил себя обнять. Он был «на стиле», холодный и собранный, как герой обложки глянцевого журнала, случайно зашедший не в тот квартал.

— Здорово, дед, — кивнул он Николаю Петровичу, пожимая его сухую, мозолистую руку своей ухоженной ладонью. — Ну как вы тут?

— Да живем помаленьку-потихоньку, - ответил дед, всматриваясь в лицо внука.

— От матери подарочки, — Егор кивнул шоферу, который внес в дом два увесистых пакета. Там было всё: от элитного чая и кофе до дорогих халатов и набора витаминов, которые в Богдановке видели только в рекламе по телевизору. Шофер, скинув пакеты, попрощался и уехал.

Дед отвел внука в комнату, что выходила окнами на заросший сиренью сад. Комната была чистой, с крашеным деревянным полом и вышитыми наволочками на подушках — абсолютный антипод его хай-тек спальни в Москве.

Аппетитный запах домашних щей и свежего хлеба, доносившийся из кухни, сделал то, чего не смог сделать никакой комфорт: Егор наконец почувствовал, что он смертельно голоден. Анна Ивановна суежилась вокруг него, как вокруг маленького, и парень, впервые за долгое время, перестал демонстративно проверять отсутствие сети на телефоне.

После обеда дед пригласил Егора на лавочку под большой старой яблоней.

— Ну, рассказывай, горе-путешественник, — дед пустил колечко дыма, глядя на внука прищуренными глазами. — Мать звонила, кричала, что ты в этом году совсем из рук вон стал. Почему на моря с ними не поехал? Друзья, небось, все в Турции, а ты к нам, в глушь?

Егор вздохнул, глядя на свои начищенные кроссовки.

— Да не море это, дед. Просто... надоело всё. Эти бесконечные тусовки, отец, который считает, что деньгами можно закрыть любую проблему. Они хотели меня в лагерь на Кипр отправить, с усиленным изучением экономики. А я подумал... если уж меня всё равно «ссылают», то лучше я пересижу это здесь. Подальше от всех этих правильных лиц.

— Пересидишь, значит, — усмехнулся дед, поглаживая щетиной подбородок. — Ну, пересиживай. Только помни, Егор: тут у нас работать надо — как потопаешь, так и полопаешь. Деревня — она не спрашивает, чей ты там сын. Она просто живет.

Егор откинулся на спинку лавки, глядя на розовеющее небо. Он еще не знал, что эта «просто жизнь» скоро перевернет его мир с ног на голову.

Богдановка была не просто деревней — это был настоящий особый мир, спрятанный в складках холмов, где время текло по своим, каким-то особенным законам. Она раскинулась на несколько километров, представляя собой довольно внушительное поселение: пять широких, петляющих улиц, в каждой из которых насчитывалось не менее пяти десятков добротных дворов.

Здесь удивительным образом уживались два разных мира. С одной стороны — исконные жители, чьи семьи пустили корни в эту почву еще до революции. С другой — «дачники», привносившие в деревенскую тишину ритм большого города. Летом Богдановка преображалась: на обочинах появлялись иномарки, по вечерам в воздухе слышался смех горожан, жарящих шашлыки, а на тесных деревенских улочках всё чаще можно было встретить людей с городским лоском, сменивших деловые костюмы на шорты и сандалии.

Инфраструктура Богдановки была предметом законной гордости её жителей. Сердцем деревни считался магазин — единственное место, где каждое утро можно было купить свежий хлеб и последние новости. Около магазина, на круглой деревянной лавке, всегда заседал местный «совет старейшин», знавший всех и обо всем.

Чуть поодаль располагалась школа — крепкое кирпичное здание, которое в летнее время пустовало, но оставалось центром притяжения для местной ребятни, собиравшейся на спортивной площадке. Рядом находился медпункт, где суровая, но справедливая фельдшер Мария Сергеевна знала историю болезни чуть ли не каждой коровы и каждого дачника в округе.

Но самым примечательным был сельский клуб — старое кирпичное здание, массивное, с колоннами и выцветшей краской на дверях. Здесь по вечерам гремела музыка, устраивались танцы, на которых молодежь из города пыталась перетанцевать деревенских парней, а по выходным проводили собрания или устраивали концерты местные артисты.

Богдановка не тонула в лени, она дышала. Она жила по своему собственному расписанию, где запах парного молока поутру сменялся ароматом скошенной травы и дорожной пыли, а вечерний стрекот цикад был лучшей музыкой для тех, кто хотел вырваться из городского шума в этот зеленый оазис, полный простых радостей и искренних улыбок.

Глава 2

Пыль дорог и крепость табака

Утро началось с раздражающего гула деревенской жизни: где-то неподалеку надсадно ревел трактор, визжала пила, слышались бодрые окрики мужиков. Егор пытался заглушить это телефонными сообщениями от Юли, своей девушки. Она строчила из какой-то европейской столицы, присылая селфи с террас с видом на море и жалуясь, что «без него здесь скучно». Егор лениво отправил ответное «сердечко», чувствуя странную отстраненность. Казалось, тот московский мир с его гламуром и Юлей сейчас был где-то на другом конце планеты, за непроходимым лесом.

Солнце клонилось к закату, расцветивая небо Богдановки в густые персиковые тона, когда Егор, отоспавшись за долгую дорогу сюда, выбрался из дома. День пролетел в каком-то полузабытии.

После сытного деревенского ужина Егор вышел во двор. Дед Николай сидел на старой лавке, задумчиво вертя в руках проржавевший со всех сторон медный таз, который он хотел каким-то чудесным образом реанимировать.

— Куришь? — не глядя на внука, спросил старик, выживая из кармана брюк мятую пачку.

Егор оглянулся на окна кухни, где Анна Ивановна гремела посудой.

— Балуюсь иногда, — ответил он, понизив голос. — Только бабуле ни слова, дед, прошу тебя, она же мне весь мозг вынесет.

Дед усмехнулся в усы и протянул ему сигарету.

— На, попробуй. Моя махорка, сам сажал, сам сушил. Тобой выращенное — самый честный продукт.

Егор, стараясь выглядеть небрежно, прикрыл огонек ладонью и сделал глубокую затяжку. Через секунду его лицо покраснело, горло обожгло так, будто он глотнул кипятка, а на глазах выступили непрошеные слезы. Егор согнулся в три погибели, оглушительно кашляя, пока легкие не начали жечь, как огнём.

— Твою мать... — прохрипел он, отшвыривая самокрутку в траву. — Ты решил меня отравить, дед? Кури сам этот порошок, я лучше до магазина дойду.

Дед добродушно расхохотался, отчего у него в уголках глаз собралась целая сеть морщинок.

— Крепкость духа, Егорка, проверяется не айфонами, а табачком. Слабоват ты пока для наших краёв.

Потом они переместились к прицепу. Николай Петрович долго и внимательно осматривал блестящую раму байка, с осторожностью касаясь кожаного сиденья, словно это был не мотоцикл, а диковинный космический корабль.

— Вот это техника... — уважительно протянул он. — Сразу видно — летит, а не едет. Катнёшь?

— Хочешь? — Егор оживился.

— Нет, мил человек, оставь это молодежи. Кости не те, да и скорость мне теперь только в снах снится.

— А я, пожалуй, прокачусь, да и деревню надо вспомнить, что где находится.

— Ты, Егор, только поосторожней. Тут люди по дорогам ходят и не смотрят, у нас светофоров нету — не гони сильно, а то не ровен час, еще зашибешь кого, — предупредил дед.

Егор довольно ухмыльнулся, накинул шлем, и тишина Богдановки была разорвана уверенным, низким рокотом двигателя. Байк под ним вздрогнул, готовый к рывку. Егор выжал сцепление, включил первую и, обдав деда облаком легкой пыли, выехал со двора. Мощный

аппарат в деревенских пейзажах выглядел как пришелец из будущего. Егор разогнался, чувствуя, как ветер бьет в лицо. Он не знал, куда едет, просто хотел почувствовать движение.

Скорость была для Егора единственным способом заглушить раздражение, которое пульсировало в висках с самого утра. Мощный двигатель ревел, вторя его внутреннему бунту, а встречный поток воздуха, пропитанный ароматами нагретой травы и перегноя, бил в лицо, как пощечина. Богдановка проносилась мимо сплошным зеленым полотном. Куры в панике хлопали крыльями, разлетаясь в разные стороны, как потревоженные птицы, и Егор, чувствуя пьянящее ощущение власти над этим маленьким миром, лишь сильнее выкручивал ручку газа.

На крутом повороте, где старые березы нависали над дорогой, создавая ловушку из теней, он влетел почти на пределе. И тут, в самом узком месте, увидел её. Девушка невозмутимо шла по обочине, даже не обернувшись на рев мотора.

Егор с силой ударил по тормозам. Заднее колесо взвизгнуло, срываясь в занос. Мотоцикл заходил ходуном, беспомощно юзая по гравию, и Егор в последнее мгновение, чудом удержав равновесие, вывернул руль на обочину. Байк с лязгом заглох, едва не сбросив своего наездника в глубокий придорожный кювет.

Егор слез с сиденья, чувствуя, как адреналин сменяется яростью. Его фирменная белоснежная футболка, еще утром сиявшая чистотой, теперь была покрыта густым слоем серой пыли и мелкими ошметками глины. Он ошарашенно провел рукой по груди, глядя, как пыль оседает на его дорожной одежде, а потом резко развернулся к источнику своих бед. Это была девушка примерно его возраста, дочь местного агронома Алёна Белова.

Он еще не знал ее имени, ни того, кто она, но первое впечатление, до его дальнейшего разговора с ней, произвело на него неизгладимое. Он увидел красивое личико с серыми глазами, которые строго на него смотрели, пухлые розовые губы, которые так и просились, чтоб их поцеловали, точеную фигурку в коротком сарафанчике, стройные длинные ножки. Но его ярость перекрыла ее образ.

Алёна стояла в паре метров. В её глазах, расширенных от испуга, уже закипал праведный гнев.

— Эй, ты! Крестушка деревенская! — рявкнул Егор, с трудом подавляя желание высказать всё, что он думает и об этой дороге, и о том, как здесь ходят люди. — А ну иди сюда!

Девушка медленно выпрямилась, поджав губы. Её брови сошлись на переносице, образуя строгую линию.

— Это ты мне? — голос её был холодным и четким, как выстрел.

— Тебе, кому же еще! — Егор сделал шаг к ней, размахивая руками. — Ты чего по дороге ползешь здесь, как сонная черепаха? Нашла место для прогулок, мать твою!

Алёна сделала шаг навстречу, не уступив ни пяди.

— Во-первых, здесь одна дорога на всю деревню, — отрезала она. — А во-вторых, где, по-твоему, мне ходить? В лесу, среди клещей? Ты посмотри на себя: газуешь как ненормальный, словно тормоза покинули чат!

Егор прищурился, окидывая её вызывающим взглядом.

— Мне показалось, или здесь кто-то очень борзый решил проверить мои тормоза?

Алёна едва заметно усмехнулась, скрестив руки на груди.

— «Когда кажется — креститься надо!», слышал такое?

Егор, не теряя ни секунды, демонстративно и с издевкой перекрестился, не сводя с неё глаз.

— Да нет, не показалось! Мои глаза меня не обманывают: самая борзая коза деревни собственной персоной стоит прямо передо мной!

Его голос сорвался на яростный крик. Он так сильно сжал кулаки, что костяшки побелели.

— Да ты вообще хоть знаешь, сколько стоит этот байк?!

Алёна негромко хмыкнула. Она наклонилась, сорвала огромный, мясистый лопух и, глядя Егору прямо в глаза, медленно поманила его к себе пальцем.

— Печаль-беда! Иди сюда, мажорик. Сопельки тебе подотру, а то ноешь, как маленький, из-за куска железа, — она смерила его взглядом, полным сарказма.

Егор отшатнулся, опешив от такой наглости.

— Дура, да ты знаешь, что я тебе сделаю?!

— А-ха-ха, — выдавила она из себя, хлопая себя по бедрам. — Как же страшно, просто до слез. Слышь, «принц на железном коне», ты своим загоном только кур в округе рассмешил. Ты тут не на Тверской, чтобы пальцы веером крутить.

Она, не торопясь, подошла ближе, едва не ткнув Егора тем самым лопухом прямо в нос. Ее взгляд был холоднее осеннего дождя, и от этого Егор почувствовал себя еще глупее в своей запыленной дизайнерской одежде.

Егор нервно дернул плечом, пытаясь отряхнуть пыльную футболку, но выглядело это максимально нелепо. Он попытался реабилитировать свое мужское эго, которое эта девчонка опустила ниже плинтуса и уколол ее в очередной раз.

— Ты реально такая «деревня», что кроме трактора «Беларусь» ничего в жизни не видела?

— А ты просто залетный мажор, который даже тормоза нажать не смог, чтоб не влететь в кусты.

— Кто мажор?! — Егор сделал резкий шаг вперед, пытаясь подавить её ростом, но девушка даже не отступила. — Свали с дороги, пока я тебя не переехал!

— Ой, как страшно! — Аля картинно закатила глаза, переходя на ядовитый шепот. — Ты фильтруй базар, пока я тебя не огрела. Не позорься, садись на свое ведро с болтами и вали отсюда!

Егор побагровел. Он привык, что девчонки в Москве липли к нему, стоило ему щелкнуть пальцами, а эта... эта «колхозница» просто разбивала всё его эго в щепки.

Алёна развернулась, чтобы уйти, но напоследок бросила через плечо:

— И да, байк у тебя — огонь, но наездник — кринж полный. Надеюсь, в следующий раз ты все-таки долетишь до кювета, там как раз для таких, как ты, местечко найдется!

Аля зашагала прочь, гордо подняв голову, а Егор остался стоять, стиснув зубы до боли, глядя, как пыль оседает на его дорогой обуви. Впервые за семнадцать лет он не нашелся, что ответить.

Глава 3

Старый новый друг

Проклиная всё на свете — эту чёртову пыльную дорогу, глухую деревню, где даже интернет ловит через раз, но в первую очередь эту заносчивую деревенскую принцессу, которая посмела ткнуть его пальцем и указать его место, — Егор со злостью воткнул ключ в зажигание. Мотоцикл взревел, разрывая тишину улицы, и он, даже не оглянувшись, дал газу. Ветки придорожных кустов хлестали по ногам, ветер свистел в ушах, но внутри всё ещё кипело. Доехав до конца улицы, он резко развернулся, взметнув облако пыли, и рванул обратно, к дому деда.

Скорость немного остудила пыл. Егор уже почти успокоился, когда, подъезжая к воротам, боковым зрением зацепил знакомый силуэт. Тот самый сарафан. Девчонка как раз открывала калитку дома, который находился через один от дедовского.

— Ничего себе, — выдохнул Егор, остановив мотоцикл прямо посреди улицы. — Мы, похоже, почти соседи с этой ненормальной.

Он смотрел, как она ловко толкает калитку, и вдруг, сам не понимая зачем, нажал на клаксон. Короткий, резкий гудок разнёсся по вечерней улице. Девчонка замерла, медленно развернулась. Узнав его, она не стала кричать или возмущаться. Она лишь спокойно, с каким-то ледяным презрением, оглядела его с ног до головы, коротко хмыкнула и, не проронив ни слова, зашла в калитку, с силой захлопнув её за собой.

Егор усмехнулся, хотя внутри что-то неприятно кольнуло.

— Ну-ну, — прошептал он, глядя на закрывшуюся калитку. — Ещё не таких уламывали.

Он загнал мотоцикл во двор, поставил на подножку и, сбёрнув шлем, направился к лавке, где уже сидел дед. Николай Петрович, как обычно, курил, выпуская ровные кольца дыма в вечернее небо. Он скептически посмотрел на внука.

— Всё ли петухи в деревне целы? Никого не задавил по дороге? — спросил дед с лёгкой усмешкой.

Егор чуть не ляпнул в ответ: «Петухи-то целы, да вот одна курица чуть под колёса не попала!», но вовремя прикусил язык. Впутывать деда в эту историю точно не стоило.

— Обижаешь, дед, — как можно беззаботнее ответил Егор, плюхаясь рядом на лавку. — Я по знакам ездил, как примерный водитель.

— Ага, — хмыкнул Николай Петрович, кивая на футболку внука. — А пыль на спине, значит, сама собой нарисовалась?

Егор резко обернулся, глянул на плечо.

— Ладно, дед, я в душ.

Современная деревня оказалась не той, что представлял себе Егор по рассказам отца. Никаких тазиков по выходным. В каждом доме, включая дедовский, была газовая колонка, нормальный душ и даже тёплый туалет. Егор быстро скинул грязную одежду и встал под прохладные струи. Вода приятно студила разгорячённую кожу, смывая дорожную пыль и остатки злости.

Когда он вышел, бабушка уже накрыла ужин. Пахло жареной картошкой и свежим укропом. Егор накинулся на еду, словно не ел целый день, и только потом, насытившись, снова вышел на улицу.

Вечерело. Часы показывали около шести, но солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в мягкие персиковые тона. Егор уселся на ту же лавку, достал телефон. Экран моргнул — пришло очередное сообщение от Юли. «Приветик! Как ты там, в глуши? Не скучаешь?» Он прочитал, скривился и, не ответив, выключил экран.

Перед глазами тут же встал другой образ. Девчонка в сарафане. Блондинка с серыми глазами, такими же, как у него самого. Егор откинулся на спинку лавки и закрыл глаза. Он

вспомнил, как она стояла перед ним, нахохлившись, словно молодой петушок, готовая защищать свою территорию. Но только сейчас, в тишине вечера, он понял, что успел рассмотреть её гораздо лучше, чем ему казалось во время ссоры.

Он видел красивое, миловидное лицо, которое, наверное, часто бывает задумчивым, а не злым. Пухлые губы, которые так забавно кривились, когда она возмущалась. Светлые волосы, небрежно собранные в хвост, из которого выбивались пряди. И ещё — высокая грудь, длинные ноги... Егор поймал себя на том, что рассматривает её в мельчайших деталях, и внутри что-то странно кольнуло. Это было не похоже на обычное любопытство.

В ней было что-то цепляющее. Настоящее. Не такое, как у девчонок из его московской тусовки, которые часами делают селфи и обсуждают бренды. Эта была другой. Правильной, что ли.

— Чистая, — неожиданно для самого себя вслух прошептал Егор. — Да, точно. Чистая и светлая.

Он открыл глаза и посмотрел на калитку через дом. Там было тихо, лишь из-за забора доносился лай собаки. Егор усмехнулся, спрятал телефон в карман и задумчиво уставился на закат. Он чувствовал, что скучать этим летом ему точно не придётся.

Егор сидел на лавке, проводил взглядом закат и пытался отогнать навязчивый образ светловолосой девчонки, как вдруг над соседским забором взметнулась чья-то взъерошенная голова. Русский вихор торчал в разные стороны, а на Егора смотрели любопытные глаза.

— Здорово! Ты Егор, да? — крикнул паренёк, перевалившись через забор по поясу. — Помнишь меня?

Егор всмотрелся. И правда, знакомое лицо. Дима. Димка. Друг детства, с которым они когда-то, в редкие летние приезды, гоняли по деревне, лазали по чужим садам и ловили лягушек в пруду.

— Диман, привет! — Егор подскочил, подошёл к забору и протянул руку. — Ну ты вымахал! Я тебя едва узнал.

Парни крепко пожали друг другу руки. Димка ловко перемахнул через забор и приземлился рядом.

— Когда приехал? — спросил он, оглядывая Егора с ног до головы. — Надолго? А то что-то совсем забыл деревню, пропал.

Егор откинул со лба влажные после душа волосы и вздохнул.

— Сегодня утром. И теперь я здесь на всё лето, Димка. Надоела Москва по горло. Честно.

— Серьёзно? — глаза Димки загорелись. — Круто! — он перевёл взгляд на мотоцикл, стоящий во дворе, и присвистнул. — Ничего себе! Это твой? Зачётный! Прокатишь как-нибудь?

— Прокачу, — усмехнулся Егор. — А что ещё здесь делать? Я думал, заскучаю до смерти. Димка засмеялся звонко, по-мальчишески.

— Эх ты, москвич. Думаешь, в деревне заняться нечем? Да у нас знаешь как весело? На речку ходим — купаемся, рыбачим. В лес за грибами выбираемся, если бабки не загоняют по хозяйству. А вечером... Вечером у нас клуб!

— Клуб? — Егор насторожился, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. — Это какой такой клуб?

— Обычный, деревенский. Танцы, музыка, народ тусуется. Летом вообще яблоку негде упасть.

Егор встрепенулся. Сердце почему-то ёкнуло.

— И много народу?

— Летом до фига, — Димка махнул рукой. — Местные, дачники, с соседних сёл приезжают. Но эти, из соседних... — он понизил голос, — они в основном драться едут.

— В смысле — драться? — не понял Егор.

— Ну а как же. Приезжают, начинают к нашим девчонкам клеиться. Девчонкам это не нравится. Пацаны заступаются. И понеслась душа в рай. Замес у нас знатный бывает.

Егор хмыкнул.

— Короче, весело тут у вас.

— А то! — Димка хлопнул его по плечу. — Слушай, а пойдём сегодня со мной? Сам всё увидишь. У нас там музыка не хуже, чем в вашей Москве. И танцуем до упора. Гуляем допоздна.

— Заметано! — выдохнул Егор с облегчением. — А то я реально не знал, чем тут три месяца заниматься.

Он почувствовал, как на душе стало легче. По крайней мере, появился друг и был план на вечер. Но в голове всё ещё свербел один вопрос. Егор помолчал, покусывая губу, а потом, стараясь сделать голос безразличным, спросил:

— Слушай, Диман, а у тебя в соседях кто живёт?

Димка удивлённо посмотрел на него.

— С той стороны? — он кивнул в сторону забора, за которым скрылась девчонка. — Дядь Саша Белов, наш агроном. А что?

Егор наморщил лоб, пытаясь вспомнить.

— Там же вроде бабка какая-то жила? Я помню, в детстве, когда мы сюда приезжали, там старушка в платке всегда на лавочке сидела...

— Бабка Настя, — кивнул Димка. — Она умерла года два назад. А дом дети продали. Дядь Саша купил, переехал к нам жить.

Егор почесал затылок, делая вид, что ему просто любопытно.

— И что, он один там живёт?

— Да нет, — Димка пожал плечами. — С ним жена, Ольга Ивановна, она у нас в школе учителем работает. И дочка, Алёнка. Моя одноклассница, кстати.

Егор почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Он постарался придать голосу максимально безразличный тон.

— Это такая высокая, с длинными русыми волосами?

Димка прищурился. Взгляд его стал хитрым, словно он только что раскусил собеседника.

— Ну да, она, длинноногая. — Димка помолчал, внимательно глядя на Егора. — А что, ты её уже где-то видел?

Егор дёрнул плечом.

— Да так. Случайно пересеклись. Просто утром она мимо проходила, ну я и запомнил.

Димка усмехнулся, хитро и понимающе.

— Зацепила она тебя, да? Не надейся, — он покачал головой. — Она колючка. Никого к себе не подпускает.

— Ничего она меня не зацепила! — слишком резко ответил Егор. — Обычная «колхозница», ничего такого. Да я таких на раз-два уламывал.

— Ну-ну, — протянул Димка с сомнением. — Она, знаешь, неприступная. К ней знаешь, сколько пацанов клеилось? И местных, и приезжих — всех отшивала. И словом, и делом могла послать.

— Чего это вдруг? — Егор нахмурился. — То есть все её подружки с парнями гуляют, а она типа монашка?

— Ну, не монашка, но строгая, — Димка почесал затылок. — Такая она у нас. Местная недотрога. Есть один только парень — Серый, Серёга. Он один её на своём мотоцикле катает иногда и до дома довозит. Он на год постарше, из армии недавно пришел.

Егор почувствовал, как внутри закипает странное раздражение. Он сжал челюсть.

— И чего ж в этом Серёге такого, что ему позволяет? Или она... — он запнулся, но всё же закончил, — даёт ему?

Димка посмотрел на него так, словно Егор сморозил глупость.

— Ты чего? Алёнка нормальная девчонка. Она ни с кем... Я ж говорю, строгая.

— А ты свечку держал? — усмехнулся Егор, пытаясь скрыть непонятную ревность, которая вдруг всколыхнулась в груди. — Ладно. Все они рано или поздно... Просто момент подходящий должен быть, — он говорил с уверенностью, которой сам не чувствовал. — Ну и что там с этим Серёгой?

Димка вздохнул. Разговор явно начинал его утомлять.

— Слушай, пошли сегодня в клуб и сам всё увидишь. И на Серёгу посмотришь, и на Алёнку. Да и вообще, хватит тут сидеть, пора тебя в нашу жизнь втягивать.

Егор кивнул. Эта идея ему нравилась всё больше.

— Окей, Диман. Давай номер свой, я тебе дозвонюсь.

Димка продиктовал цифры, и Егор тут же набрал его. В кармане у Димки заиграла мелодия.

— Я тебе наберу, как выйду, — сказал Димка, перелезая обратно через забор. — Буду у твоей калитки через час. Жди.

— Договорились, — ответил Егор.

Димка скрылся за забором, и вскоре послышался хлопок двери. Егор остался один. Он посмотрел на часы, потом перевёл взгляд на дом через два участка. Там уже зажёгся свет в одном из окон.

— Значит, Алёнка, — тихо произнёс он, и губы сами тронула загадочная улыбка. — Посмотрим, какая ты на самом деле, неприступная колючка.

Сердце билось быстрее обычного. Впервые за долгое время Егор чувствовал настоящий интерес - к предстоящей дискотеке и к одной единственной девчонке в сарафане, которая даже не подозревала, что он уже объявил ей войну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.